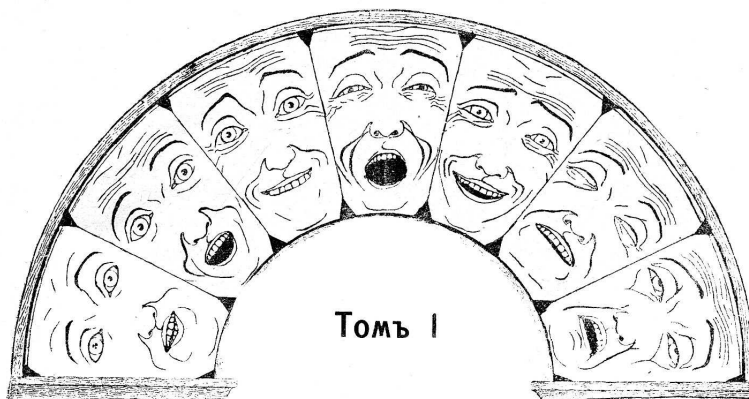

Энциклопедія СЦЕНИЧЕСКАГО самообразованія

ИСКУССТВО М И М И К И

Съ 232 рис.

Составиль В. П. ПАЧИНОВЪ

Издание журнала „Театръ и Искусство“
1909

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

ИСКУССТВО МИМИКИ.

По Шарлю Оберу и др.

Составилъ В. П. Лачиновъ *).

«Согласно своей этимологіи, терминъ «языкъ» долженъ бы примѣняться къ выраженію мысли при помощи слова, но вслѣдствіе расширенія понятій, разумѣется весьма законнаго, это названіе примѣняется и къ инымъ способамъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ можетъ передавать другимъ свои впечатлѣнія, мысли, желанія.

Вслѣдствіе этого, сообразно характеру употребляемыхъ знаковъ, мы различаемъ: языкъ дѣйствій или мимику, языкъ устный или словесный и языкъ письменный».

(Дюпинз-де-Ворньеръ).

*) Предлагаемый трудъ составленъ главнымъ образомъ по книгѣ: *Charles Aubert. L'art mimique*; но кромѣ того пособіями служили слѣдующія сочиненія: *Cuyet. La Mimique. Ch. Hacks. Le geste. Skraupp. Mimik und Gebärdensprache. Пидеритъ Мимика.*

«Это заблужденіе, порожденное привычкой смотреть на голосъ, какъ на особое исключительное орудіе языка; жестъ и пантомима также естественны и понятны, какъ крикъ, и въ первобытномъ состояніи языка зрительные способы вѣроятно долго имѣли преобладаніе надъ слуховыми; лишь вслѣдствіе естественнаго подбора и въ силу того, что наиболѣе приспособленный долженъ восторжествовать, голосъ и сдѣлался господствующимъ средствомъ общенія— до такой степени, что мы вообще передачѣ мысли присвоили названіе языка».

(Уитней—„Жизнь Языка“).

Разумѣется, словесный языкъ и письменность—могущественное и удивительное средство, свидѣтельствующее о высшемъ геніи человѣка; они являются источниками всякаго прогресса и всякой цивилизаціи, равно какъ и самыхъ утонченныхъ нашихъ наслажденій; оба эти языка, условные и выдуманые, потребовали такъ много умственныхъ усилій и безпрестаннаго труда, что нечего удивляться, какимъ образомъ, люди, сдѣлавшіеся цивилизованными, окончательно забыли о существованіи первобытнаго языка, или по крайней мѣрѣ забросили его, хотя и продолжали имъ пользоваться въ извѣстной мѣрѣ и почти безсознательно.

Но вполне очевидно, что этотъ языкъ былъ первымъ, къ которому человѣкъ сталъ прибѣгать

чтобы выражать свои опасенія, нужды, желанія и стремленія.

Изъ всѣхъ способовъ общенія это самый ясный, самый быстрый, самый настойчивый, хотя и самый ограниченный. Будутъ ли имъ интересоваться или оставлять въ пренебреженіи, онъ во всякомъ случаѣ продлится до тѣхъ поръ, пока будетъ трепетать человѣческая жизнь. Онъ не только съ ней неразлученъ, потому что оказывается невольнымъ и нераздѣльнымъ проявленіемъ чувства, не только онъ всюду принятъ и всюду понимаемъ, но является вдобавокъ неизмѣннымъ пособникомъ почти всѣхъ искусствъ.

Дѣйствительно, если сколько нибудь подумать,—кто можетъ оспаривать значеніе мимики для устнаго и даже литературнаго краснорѣчія, для пѣнія и танцевъ, для живописи и скульптуры, и наконецъ, въ особенности, для сцены?

Къ несчастью, большинство лицъ, посвящающихъ себя одному изъ перечисленныхъ искусствъ, повидимому, и не подозреваетъ, что именно благодаря своему невѣжеству въ мимикѣ, они остаются артистами незаконченными или совершенно посредственными.

Среди ораторовъ, будь то священники, адвокаты или народные трибуны, очень немногіе заботятся о сильной и сдержанной мимикѣ, которая удвоила бы могущество ихъ рѣчи, придавъ ему жизненный пылъ и захватъ.